

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС: АКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕДОВЕРИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Палашевская Ирина Владимировна

д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет
irina_777@volsu.ru

COURTROOM DISCOURSE: ACTS OF DISCREDITATION IN FACE-TO FACE COMMUNICATION

I. Palashevskaya

Summary: The article is devoted to the problems of courtroom discourse and employs as a framework E. Goffman's dramaturgical approach to the study of small episodes of institutional life. Close attention is paid to the acts of expressing distrust, in situations of expectancy violations, when a discourse participant abusing or misusing his possibilities attached to his status performs an illegitimate act to obtain results useful for his objectives. The article considers the pro- and retrospective orientation of role performance discreditations, their use as means of discourse interpretation, self-defence and control in the court, as well as tools of forcing compliance to legal rules of adversarial interaction and upholding the courtroom procedures.

Keywords: courtroom discourse, institutional role, speech act, communicative event, discreditives.

Аннотация: Статья посвящена проблематике судебного дискурса с позиции драматургической теории (И. Гофман) к изучению малых эпизодов повседневной институциональной жизни в зале суда. В фокусе внимания акты выражения недоверия лицу как исполнителю институциональной роли, встроенные в структуру межличностного взаимодействия и актуализируемые в ситуации нарушения ожиданий, когда участник дискурса, злоупотребляя своим статусом, прибегает к действиям с нелегитимными задачами. Рассматривается про- и ретроспективная направленность дискредитивов, их роль в судебном процессе как средств интерпретации и публичной дисквалификации действий другого, самозащиты и контроля коммуникации, сохранения норм и правил состязательного взаимодействия.

Ключевые слова: судебный дискурс, институциональная роль, речевой акт, коммуникативное событие, дискредитив.

Понятие институциональной роли: прескриптивные ожидания и их нарушения

Судебный дискурс – технология решения правовых споров между людьми, основанная на том, что и как говорят его участники. Способы реализации юридически релевантных интенций, специфика коммуникативных средств, границы и возможности форматного общения – те аспекты, которые не могут не привлекать внимания ученых [1; 5; 6; 10; 17 и др.].

С позиции драматургической теории социального действия [2; 3; 4] судебный дискурс – коммуникативная практика, определяемая специфичным набором ролей и событий, норм взаимодействия в особых контекстуальных границах времени и места.

Как институциональный тип общения, судебный дискурс характеризуется наличием «сильных», или «прескриптивных ожиданий» (*prescriptive expectations*), связанных с тем, что его участники должны делать и как вести себя при взаимодействии с друг с другом [13, р. 42–43]. Эти ожидания и составляют сущность институциональной роли, которая не зависит от личностных качеств ее исполнителя, представляет собой нормативно обусловленный конструкт, комплекс коммуникативных возможностей и ограничений, закрепленных за той или

иной статусной позицией и реализуемых в ситуативных контекстах [8; 11; 12; 14; 16; 17].

Благодаря существованию ролевых ожиданий в виде прав и обязанностей совершения того или иного коммуникативного действия определенным правом субъектом в определенной правовой ситуации участники судебного процесса могут распознавать и предугадывать поведение друг друга, приспособлять свои действия и влиять на ход дискурса.

Соблюдение установленных законом норм и правил совместного действия, является необходимым условием участия в судебном дискурсе, предполагает должное воспроизведение уже имевших место, в терминологии Р. Шехнера «дважды осуществленных поступков» (*re-enactment, twice-behaved behavior*) в обстоятельствах со-присутствия [15, р. 28–29]. Должное исполнение ролей, следование судебной процедуре, направлено на обеспечение законности производства по делу, обоснованности и справедливости принимаемых судом решений.

Вместе с тем противоречивые ситуации, где цели участников оказываются несовместимыми, провоцируют использование действий, преследующих своей целью сорвать возможность успешного (противо)действия со стороны другого [7, с. 207]. В ситуациях борь-

бы участники дискурса заинтересованы скорее в отсутствии адекватных ожиданий, чем в стремлении им соответствовать. На первый план выступают интенции, реализуя которые участник дискурса угрожает другому достижением своей цели. Особое значение здесь приобретают средства контроля исполнения роли как внешне наблюдаемого и оцениваемого поведения, т.е. речевые действия, направленные на поддержание сложившихся нормативных образцов и ограждающие участника дискурса от нелегитимных воздействий других участников, которые не отвечают его ожиданиям и поступают вопреки своей роли (например, защитник своими действиями вредит интересам подзащитного, профессиональный судья в спорных случаях склоняется в сторону обвинения).

Таким образом, важный элемент судебного дискурса – ожидания и оценки его участника, обращенные к другим участникам, к тому, как они выстраивают взаимодействие, насколько компетентными и заслуживающими доверия они ему кажутся.

Ролевая борьба: акты-дискредитивы

В судебном дискурсе выделяются, с одной стороны, коммуникативные действия, связываемые с ролью того или иного его участника (судьи, обвинителя, защитника, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т.п.), с другой стороны – действия-реакции на исполнение ролей, описываемые так называемые «дефолтные ожидания» участников коммуникативной ситуации и выполняющие превентивную, восстанавливающую или корректирующую функции (Судья: ... *Пришли в каком-то спортивном костюме, кроссовках. – Свидетель: Мне удобно так. – Судья: А мне неудобно так. Вы пришли в суд. – Защитник: Ваша честь, Вы без мантии. Я бы хотел высказать замечания на действия председательствующего и отразить в протоколе, что судья... – Судья: Значит так, объявляется перерыв 10 минут. Будет вам мантия!* [18]).

Ряд из действий-реакций, направленных на роль другого, используются как способ выражения недоверия и относятся к дискредитивам. Они заключают в себе оценку происходящих, произошедших или предстоящих событий в категориях подлинности / сфабрикованности, анализируют концепт «честной игры», «процесса по правилам» (*fair trial*), соблюдение которых ставится под вопрос [4].

В основе актов выражения недоверия лежит подозрение (*suspicion*), которое, как отмечает И. Гофман, возникает у человека, когда он начинает думать о том, что деятельность в которой он участвует, конструируется без его ведома (*beyond his ken*) и ему не дают возможности вникнуть в тот фрейм, который определяет его деятельность [4, с. 184, 122].

Подозрение следует отличать от сомнения (*doubt*),

которое возникает не вследствие опасения обмана, а из-за неуверенности в том, какие именно фреймы или настройки применяются в данный момент, при полной уверенности в том, что всё происходит в нормальном, безопасном режиме [4, с. 184].

Подозрение и сомнение, с данных позиций, рассматриваются как две основные категории, возникающие в процессе интерпретации происходящего как несоответствующего ожиданиям. Однако если сомнение связано с оценкой собственной дискурсивной компетенции, то подозрение направлено на оценку действий другого и «ставит под вопрос весь фрейм событий» [4, с. 595].

Иллокутивный аспект дискредитива фокусирует внимание на оценке действия как акта с нелегитимными задачами и приписывании ответственности (аскрипции) за него определенному лицу, которое в результате позиционируется как незаслуживающее доверия. При этом выражение недоверия может иметь как прогностическую, так и констативную порицающую семантику, сообщать о действии, описывать его будущее, настоящее или прошлое исполнение как несоответствующее ожиданиям. В первом случае дискредитив выполняет функцию превентива, служит способом предупреждения о последствиях еще несовершеннолетних, но предполагаемых нелегитимных действий, во втором – это инструмент пресечения нарушения ожиданий в момент исполнения институциональной роли, в третьем – данный акт направлен на восстановление уже нарушенного ожидания участника дискурса в отношении других участников.

К актам «превентивного недопущения» недолжного исполнения роли относится заявление отвода участнику судебного процесса как незаслуживающему доверия. Такого рода высказывания строятся на категорических утверждениях, или описаниях некоторых состояний действительности – фактах («по делу установлено...»), используемых в качестве основания прогностического высказывания:

Адвокат: По делу установлено, что подсудимый являлся совладельцем и управляющим ряда крупных предприятий, включая казино X в городе Санкт-Петербурге. Летом 1999 г. «по знакомству» в казино была принята жена эксперта К-ова на должность начальника службы приёма гостей. Однако в связи с неудовлетворительной работой и значительными нареканиями посетителей через полтора месяца в сентябре 1999 года подсудимый дал распоряжение уволить из казино гражданку К-ову. Никто не может дать гарантию, что К-ов не заинтересован отомстить подсудимому за выгнанную с работы жену. Поскольку не исключается наличие у К-ова мотивов личной мести при даче заключения, заявляю отвод эксперту К-ову [22].

В данном случае дискредитив направлен на блоки-

ровку возможной попытки исполнения роли эксперта лицом, объективность которого ставится под вопрос и которое, соответственно, презюмируется подозрительным. В основе дискредитирующего высказывания лежит предположение типичного поведения в типичной жизненной ситуации; возможная психологическая установка, личная заинтересованность в исходе дела, допускаются в качестве существующей (*Никто не может дать гарантию, что эксперт не заинтересован...*).

Выражение недоверия участникам процесса может не иметь речевого воплощения. Так, процедура немотивированного отвода присяжных заседателей невербальна: председательствующий вручает участникам процесса, имеющим право на немотивированный отвод, списки присяжных заседателей, оставшимся после предыдущих процедур мотивированного самоотвода и отвода; эти участники вычёркивают из списка фамилии отводимых ими присяжных заседателей, удостоверяя вычёркивание своей подписью.

В отличие от актов «превентивного недопущения», обжалование действий лиц, участвующих в производстве по делу, ретроспективно, направлено на признание адресатом жалобы, обладающим более высоким статусом и властными полномочиями, факта нарушения и восстановление нарушенного права ее заявителя:

Установлено, что процесс судебного следствия неоднократно производился без моей доставки в зал судебных заседаний. Так было 5, 21, 26, 28 февраля, 11, 12 марта, 21, 24, 27 июня 2003 г. (см. представленную в суд справку начальника следственного изолятора...). Именно в эти дни были допрошены указанные в обвинительном заключении в качестве свидетелей обвинения.... Показания, которые дали в моё отсутствие эти свидетели обвинения, явились доказательствами фабрикации и фальсификации моей вины. Однако по вине суда и я, и мои защитники были лишены возможности использовать этот обширнейший защитительный материал, так как судом он был от нас умышленно скрыт [22].

Выражение недоверия может подаваться имплицитно, в качестве семантических следствий высказываний участников дискурса, что характерно для жанра «допрос». Например,

Адвокат: Почему в ходе проверки показаний на месте, Вы не обратились к понятым, и не сказали, что даёт те показания под давлением?

Подсудимый: Понятым, которые участвовали при проверке показаний на месте, я постоянно видел в прокуратуре. Я не хотел последствий для своего здоровья, поэтому не признался, что на меня оказывали давление... [21].

В приведенном фрагменте семантические следствия являются обязательными условиями понимания и относятся к имплицитной части плана содержания дискре-

дитирующего высказывания, выводятся посредством следующих шагов: если понятых часто видели в прокуратуре, значит – они сотрудничают со следствием, не являются независимыми свидетелями и не вызывают доверия. Соответственно, если подсудимый к ним обратится, то об этом станет известно следователю. Если такое обращение отразится на здоровье подсудимого, значит – следователь оказывает на него воздействие.

Дискредитивы относятся к базовым дискурсивным механизмам коррекции исполнения ролей и актуализации ценностных доминант состязательного судопроизводства [9], нарушение которых подрывает доверие к системе, способствует умалению ее авторитета. В нижеследующем фрагменте из речи адвоката данный тип высказывания используется в качестве реакции на презумптивное отношение к процессуальному статусу лица, который служит побуждением к обвинительному уклону процесса:

.... Есть дурная традиция. Если в возбужденном деле появляется подозреваемый, все усилия направляются на то, чтобы дело довести до суда. Ибо прекращение дела расценивается, как дефект, как брак.... И направляют дело в суд ... и большая толика вины за это лежит на судебной практике, отторгающей оправдания. ... Примиряет меня с этой не радостной для стороны защиты действительностью поведение в данном деле тех следователей, которые саботировали незаконные указания начальства, ... не подгоняли доказательства под абсурдное обвинение в политической ненависти.

Я хочу верить в то, что Вы заставите уважать суд не только оправданием подсудимого, но и вынесением частного определения в адрес предварительного следствия за те художества, за те подлоги, которые выявлены при составлении обвинительного заключения [19].

Пример эксплицирует проблему навязываемых ролей, вступающих в конфликт с ролью, предписанной законом, и демонстрирует насколько важно то, что должное исполнение роли участником дискурса, противостоящим влиянию своего окружения, поддерживается другими участниками. Данное высказывание использует оппозиционные и консолидирующие стратегии ролевого позиционирования институциональных сообществ, обозначает тенденциозные нелегитимные действия как наблюдаемые и оцениваемые с позиции участника институционального взаимодействия.

В качестве наблюдателя может выступать некоторое абстрактное лицо, обобщённый другой (*the generalized other*), общество в целом [4; 2]. Взгляд на происходящее глазами общества позволяет вывести конкретную ситуацию за пределы зала суда, сделав её открытой для всеобщего наблюдения и оценивания. Позиция такого наблюдателя в следующем примере вводится как риторический приём:

Уважаемый суд! В теории доказательств существу-

ет понятие «адресат доказывания». Для сторон обвинения и защиты адресат доказывания – суд. К нему обращены доводы прокурора и адвокатов, его стремятся убедить в своей правоте. А существует ли адресат доказывания для суда? Да, существует. И адресат этот огромен, ибо есть он – всё общество.

Приговор должен быть таким, чтобы каждый рядовой гражданин, как говорится, средний человек – представитель общества – мог бы, ознакомившись с ним и сопоставив с материалами дела, сказать: приговор не беспочвенный, доказательства вины осужденного имелись. при всех условиях доказательства не должны быть нелепыми, обвинение – несообразным, а приговор – непоследовательным, опровергающим сам себя в силу внутренних противоречий [20].

Исследование такого рода коммуникативных средств обнаружения и демонстрации ролевых сбоев институционального взаимодействия открывает выход на способы и причины подрыва взаимного доверия людей, вовлеченных в дискурс, актуальные ценностные доминанты институциональной культуры, принципы построения отношений между государственной властью в лице судебной и обвинительной властей и личностью в зале суда, статус ее участия в дискурсе.

Заключение

Судебный дискурс, в силу своего состязательного по-

строения, предполагает возникновение ситуаций, в которых его участники намеренно затрудняют друг другу достижение целей. Принцип соблюдения требований процессуальных норм права, законсообразности совершаемых в ходе судебного разбирательства действий, заставляет участника взаимодействия фокусировать внимание на том, как оно происходит, как другие участники, являющиеся объектами его внимания, исполняют свои роли, легитимны ли их (без)действия, нарушающие его ожидания.

В ситуациях нарушенных ожиданий особую значимость получают коммуникативные акты институционального контроля и самозащиты, к которым участник дискурса прибегает с целью получить возможность осуществления своих процессуальных прав. Данные акты могут иметь разную временную направленность, заключают в себе оценку исполнения роли, нацелены на предупреждение или выявление различного рода отклонений от ролевых схем или обманных ходов, создающих видимость правомерности происходящего.

Изучение реальных практик в сфере институциональной коммуникации позволяет выявлять живые ролевые доминанты институциональной культуры и их трансформации, то, каким образом интерпретируется и воплощается статусно-ролевая основа деятельности в тех или иных ситуациях дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.21 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2003. 48 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
3. Гофман И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. 752 с.
5. Губаева Т.В. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Т.В. Губаева, Д.Б. Миннигулова, А.В. Скоробогатов и др.; под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. М.: РГУП, 2021. 158 с.
6. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
7. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.
8. Палашевская И.В. Судебный дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 3–4. С. 164–166.
9. Палашевская И.В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. No 11. С. 144–156. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-144-156.
10. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации: судебно-экспертные учреждения, назначения экспертизы в суде, типичные экспертные ошибки, заключение эксперта, порядок проведения экспертиз. М.: Проспект, 2013. 458 с.
11. Blumberg H.H. Dramaturgical analysis of social interaction / A.P. Hare, H.H. Blumberg. N.Y.: Praeger, 1988. IX, 177 p.
12. Garfinkel H. Conditions of successful degradation ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. 61(5). P. 420–424.
13. Kelley D.L., Burgoon J.K. Expectancy Violations // Understanding Marital Satisfaction and Couple Type as Functions of Relational Expectations // Human Communication Research. International Communication Association, 1991. Vol. 18, No. 1. P. 40–69.
14. Linton R. The Study of Man. An Introduction. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1936. 503 p.
15. Schechner R. Performance Studies. An introduction. L., N.Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. 359 p.
16. Shibutani T. Society and Personality. An Interaction Approach to Social Psychology. N.Y.: Routledge, 1988. 648 p.

17. Troller A. The Law and Order. An introduction to thinking about the nature of Law. Leiden: Sijthof, 1969. 90 p.
18. Расшифровка аудиозаписи судебного заседания Гулькевичского районного суда Краснодарского края. URL: <https://www.kommersant.ru/docs/2018/verbatim.pdf>. (дата обращения 01.12.2022).
19. Речь адвоката Г.М. Резника в Останкинском районном суде г. Москвы 19 июля 2013 г. URL: <https://alex-lebedev.livejournal.com/533968.html>.
20. Речь адвоката Г.М. Резника в кассационном заседании Военной коллегии Верховного Суда РФ 25 июня 2002 г. URL: <https://bellona.ru/2002/06/25/rech-advokata-genri-reznika> (дата обращения 01.12.2022).
21. Судебное делопроизводство. Волгоградский областной суд, 2007 г. URL: https://obsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo
22. Фрагменты из материалов защиты, судебное заседание Ленинградского окружного военного суда, 2003 г. URL: <http://www.mirilashvili.ru/ru/docs>.

© Палашевская Ирина Владимировна (irina_777@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

